

ДВЕ ВСТРЕЧИ С ВАЛЕНТИНОЙ КАЛИНИНОЙ

На сцену, с Свердловск, 1969, 29 июня

«Ваши пальцы пахнут ладаном,
А в ресницах спит печаль...»

Чужими казались эти слова, пропетые людьми в военных шинелях.

Из другого мира, устроенного и прекрасного, казалась пришедшей изысканная, мягкая, с теплым голосом и каштановыми волосами молодая женщина, когда появлялась среди помрачневших мужчин в мундирах. Так казалось... Но после первых мгновений ощущение диссонанса исчезло. И песня становилась единственно нужной, и тонкая женщина с благородной пластикой движений была необходима в этом тревожном мире. В знакомых словах выливалась тревога сердца, милая «ясная Лена» была тем домом, уютом, который успокаивает, обогревает военного.

Обогревать неподдельностью доброты, очарованием женственности — это, пожалуй, главное свойство, органически присущее актрисе и человеку Валентине Калининой.

Вот почему такой важной становится в спектакле «Дни Турбиных» единственная женская роль — Елены Тальберг.

В героине Калининой гармонично соединяются два начала: сестры, матери для всех этих дорогих ей людей в шинелях

и молодой женщины, полной жизненных сил, способной горячо и страстно любить. И все-таки, кажется, первое в ней сильней. Возможно, потому, что у актрисы особенно впечатляюще драматические сцены.

Уезжает муж. Бежит в Берлин, бросая штаб и жену, полковник Тальберг. Торопливо объяснившись, он напоминает, требует «не бросить тень на фамилию Тальберг».

— Хорошо, я не брошу тень на фамилию Тальберг, — механически повторяет Елена, и в этой сознательно обесцвеченной интонации, глуховато прозвучавшей, — ощущение события, которое сразу невозможно осознать, пережить; почти физическое чувство боли.

...Холодный зимний рассвет. Наступает трагический день — день позора, день поражения белой гвардии. В доме Турбиных полумрак. С трудом рассекает его крохотное пламя свечи. Зябко кутается в платок Елена. Вся она превратилась в слух, в ожидание. На сдержанных полутонах, в скрываемом друг от друга напряжении идет сцена — дуэт Елены и Лариосика, наполненная предчувствиями страшного. Сцена первого утра

под властью Петлюры. Эта гнетущая безвестность, это предчувствие трагической неотвратимости найдут свое завершение у Калининой в следующей картине с раненым Николом. Там интонации голоса будут рваться, нервно меняясь от низкого полусшепота до высоких мятущихся нот. И надолго остается в памяти ее вытянувшаяся, как у взвившейся птицы, фигура, и надрывный крик: «Вы все, старшие офицеры, домой вернулись, а командира убили!...».

На редкость точно у актрисы чувство ансамбля и общего настроения сцен. Поэтому даже молчаливое присутствие ее останавливает внимание.

В этом плане интересна и другая работа Калининой, которую увидели свердловчане — роль Антонины Достигаевой в спектакле «Егор Булычев и другие».

Кто она, эта красивая, но немного странная экстравагантная брюнетка? Ее дорогой черной-серый наряд со вкусом выдержан в цвете, но причудливых очертаний. Большие глаза с темными тенями вокруг, взрывающиеся на вас с загадочной отрешенностью, и прилипшие к щекам кольца черных волос, и движения, плавность которых вдруг ломается одним вызывающим жестом — все выдает стремление к необычному. А может быть — это старание Антонины уйти от обыденности? Вот и стихи она декламирует нелепые, декадентские, декламирует с пафосом и вдруг — стихает, сама пораженная их нелепостью. А озорная Шурка Булычева зовет ее просто «Тоська». Ну да — «Тоська»... Вот подхватил ее в танце едва держащийся на ногах пьяный братец и потащил в прихожую, вот она возвра-

тилась, упала на стул — Алексей снова выманил деньги. И вдруг со стоном закрыла ладонями лицо, проговорив совсем просто: «Какие же мы, Достигаевы, никчемные купеческие дети!...». И это прозвучало в тон со всей неприглядной картиной развалившегося булычевского дома.

Не выходить, никоим образом не выключаться из общей логики событий пьесы, актриса считает главной задачей каждой своей роли.

Флоренс из инсценировки романа Диккенса «Домби и сын», Лиза Калинина из «Дворянского гнезда» по Тургеневу, Нора из «Кукольного дома» Ибсена. Утрата из «Зимней сказки» Шекспира, Валентина из пьесы Катаева «За власть Советов», французенка Софи из пьесы современного американского драматурга Лилиан Хелман «Осенний сад», Надежда в спектакле «Дон-Кихот ведет бой» по пьесе Коростылева — это далеко не полный перечень работ заслуженной артистки республики Валентины Васильевны Калининой. Впрочем, свердловчане, как и другие кинозрители, давно знакомы с талантливой и обаятельной актрисой: вряд ли сотрется в памяти великолепный актерский дуэт Калининой — Переверзева в фильме «Урок жизни», широко шедшем на наших экранах в конце 50-х годов. Это была роль Наташи, сыгранная легко, искренне, эмоционально.

На спектаклях с участием Валентины Калининой испытываешь то непреходящее чувство радости, которое всегда составляет встреча с искусством чистым и высоким.

Ю. ЧЕРНЯК.